

Э к о с о ц и о л о г и я

Устойчивое развитие российского Севера: пределы экологической модернизации

Аксёнова Ольга Владимировна —
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Сектора изучения
социокультурного развития регионов России
Института социологии РАН

e-mail: illaio@yandex.ru

Устойчивое развитие российского Севера: пределы экологической модернизации

Аннотация

В статье рассматриваются возможности сосуществования традиционного природопользования и бизнеса, а также устойчивого развития российского Севера. Показано, что современная индустриальная цивилизация рядом с собой не позволяет существовать альтернативным явлениям, она либо разрушает, либо поглощает их.

Abstract

The possibilities of the coexistence of the traditional economy and business, and also the possibilities of the sustainable development of Russian North are analyzed. The research shows that the modern industrial civilization destroys or absorbs any alternative routes of development.

Ключевые слова: экосистема, традиционное природопользование, рыночное природопользование, экологическая модернизация, экологизация экономики, экологические неправительственные организации

Keywords: eco-system, traditional economy, market economy, ecological modernization, ecologization of economy, environmental non-governmental organizations

Пространства российского Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также шельф северных морей в последние десятилетия стали территорией конкурирующих между собой видов природопользования – традиционного и рыночного (а точнее – капиталистического). Данные виды природопользования альтернативны друг другу вне зависимости от размеров действующего на российском Севере капитала, так как обладают принципиально разными механизмами экономического воспроизводства. Традиционное использование возобновляемых ресурсов сообществами коренных малочисленных народов Севера полностью зависит от сохранности природных экосистем, поэтому оно по опре-

делению консервативно. Даже существенные изменения в орудиях труда (например, замена лука огнестрельным оружием у охотников) не приводят к потере сберегающего характера традиционного природопользования, которое допускает только неистощительные технологии, построено на сознательном ограничении потребления и не предполагает какой-либо прибыли.

Рыночное природопользование ориентировано на рост доходов и рост потребления, а потому неизбежно сопровождается вовлечением новых ресурсов в производственный процесс, вне зависимости от того экстенсивным или интенсивным является их освоение. Однако процессы экологической модернизации, начавшиеся в западных странах в конце 80-х гг. прошлого столетия, по мнению многих исследователей-инвайронменталистов, свидетельствовали о фундаментальных изменениях капиталистического производства, а именно об экологизации экономики, то есть о получении прибыли (самовозрастании капитала) за счет сохранения окружающей среды и природных ресурсов [1]. Кроме того, в последние годы в западных странах были институционализованы существенные ограничения деятельности ресурсодобывающих корпораций. Последние обязаны также согласовывать свои действия с проживающими на территориях разрабатываемых месторождений аборигенными сообществами.

В этой связи становится актуальным вопрос о возможности взаимодействия или, по крайней мере, сосуществования традиционного природопользования и бизнеса, а также о возможности устойчивого развития российского Севера в целом.

Экологическая модернизация и устойчивое развитие: сущность и видимость

Анализ экологической модернизации и устойчивого развития на Западе и в России, показал, что экополитическая стратегия крупного капитала направлена практически исключительно на охрану непосредственной среды обитания индустриальных зон. Сохранение природных экосистем не входит в число ее приоритетов. Данная позиция не зависит от институциональной системы, в рамках которой капитал вынужден действовать. Более того, пример российской экологической политики наглядно показывает, что именно крупные компании настаивают на создании разных норм

Традиционное использование возобновляемых ресурсов сообществами коренных малочисленных народов Севера полностью зависит от сохранности природных экосистем, поэтому оно по определению консервативно.

Рыночное природопользование ориентировано на рост доходов и рост потребления, а потому неизбежно сопровождается вовлечением новых ресурсов в производственный процесс, вне зависимости от того экстенсивным или интенсивным является их освоение.

Экологизация экономики – получение прибыли за счет сохранения окружающей среды и природных ресурсов.

и правил для управления экологическим риском в урбанизированной европейской России и за Уралом [2]. Такой подход, с нашей точки зрения, обусловлен сущностью самого явления экономизации экологии в частности и процесса экологической модернизации в целом, а не особенностями российского бизнеса.

Экологический менеджмент действительно наиболее эффективен в тех случаях, когда он совпадает с экономическим управлением и позволяет компании улучшить качество продукта, выйти на новый рынок, сократить издержки за счет модернизации производства, победить конкурентов и пр. Интересами бизнеса обусловлены только те его экологические приоритеты, которые полностью совпадают с приоритетами экономическими. Однако процесс экономизации экологии очень жестко ограничен уровнем спроса на экологически чистую продукцию.

Отметим, что проэкологическая ориентация потребителей возникла не сама по себе, а была результатом действий экологического движения на Западе в 60–80-е гг. и в России в 80–90-е. В конце 80-х гг. социологи зафиксировали сдвиг в системе ценностей западного общества, который был интерпретирован ими как переход к новой экологической парадигме жизнедеятельности общества и постепенный отказ от ценностей доминирующей антропоцентрической парадигмы [3]. Однако ценностная трансформация не завершилась, но сформировался новый потребитель, желающий жить в комфортной, экологически чистой и безопасной среде. Для превращения части экологических ограничений в стимулы промышленного производства вполне достаточно одного лишь изменения характера потребления. Институционализация этих изменений привела к включению экологических параметров в стандарты качества продукции (включая качество автомобильного топлива) и стала причиной оптимистических оценок развития индустриального общества. Так, в нашем примере, появление группы потребителей с относительно высокими доходами, которые приобретают качественный бензин, привело к некоторому снижению загрязнения городской среды, и очевидно, что рост благосостояния одновременно повлечет за собой рост экологического качества жизни в мегаполисе.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что данный механизм экономизации экологии работает в основном для среды непосредственного обитания человека и меня-

Интересами бизнеса обусловлены только те его экологические приоритеты, которые полностью совпадают с приоритетами экономическими. Однако процесс экономизации экологии очень жестко ограничен уровнем спроса на экологически чистую продукцию.

ет лишь ее отдельные параметры. Группы потребителей, достаточно большие, чтобы серьезным образом повлиять на рынок, возникают в связи с необходимостью обустройства собственной жизни (потребностью в чистом воздухе, чистой воде, чистых продуктах питания и т. п.). Однако далеко не все элементы загрязнения среды связаны с товарооборотом или со снижением издержек, их устранение не может быть решено путем «экономизации экологии». В таких случаях, процесс минимизации экологического риска регулируется иначе.

Крупный бизнес в городской среде является частью сложнейшей индустриальной системы, на него оказывают давление экологические неправительственные организации (далее экоНПО), местные жители и власти, он встроен в сеть взаимосвязанных коммуникаций, процессов, обеспечивающих жизнеобеспечение города. Это многократно повышает производимый им риск и, одновременно, превращает предприятие в жестко контролируемый функциональный элемент системы городского управления, в том числе экологического. Конфликт между экономическими интересами и требованиями безопасности может быть решен в пользу последних. Кроме того, авария в городских системах, может привести к остановке производства и экономическим потерям для компании. Государство в условиях урбанизированной среды играет роль главного менеджера, который использует методы прямого, директивного управления и методы экономического стимулирования внедрения саморегулируемых управленческих систем на предприятиях. Саморегулирование в данном случае не более чем способ повышения эффективности управления в условиях сложной системы разнообразных взаимодействий, то есть результат воздействия внешних для экономического субъекта факторов. Системы экологического менеджмента представляют собой один из вариантов саморегулирования, который эффективно работает именно на урбанизированных территориях. В удаленных районах системы экологического менеджмента (EMS) могут превратиться в очередную форму демонстрационной активности компаний [2].

Процесс экономизации экологии в сфере охраны дикой природы имеет более жесткие ограничения. Количество акторов, заинтересованных в сохранении достаточно удаленных от них экосистем дикой природы, незначительно, еще меньше число потребителей, предъявляющих спрос на природные ресурсы, полученные без нарушения экологиче-

Ценностная трансформация (отказ от ценностей доминирующей антропоцентрической парадигмы) постиндустриального общества не завершилась, но сформировался новый потребитель, желающий жить в комфортной, экологически чистой и безопасной среде.

ского баланса (например, на вырубленный по определенной технологии лес). В 1990-е гг. возникли так называемые зеленые альянсы: между лесодобывающими компаниями и международными эконоНПО, такими как «Гринпис» и Фонд дикой природы, заключается договор о вырубке сертифицированного леса. Сертификат в данном случае является подтверждением того, что лес добыт «устойчивым» способом, то есть без серьезных нарушений местной экосистемы. Продажа такого леса в Великобритании и Нидерландах достигает 3% от общего объема продаж [4]. Исследователи подчеркивают, что альянсы позволяют соединить два важнейших ресурса – капитал компаний и доверие населения к НПО. Однако очень скоро выявились ограничения экономической эффективности зеленых альянсов: «Большинство потребителей не знакомы с сертифицированной древесиной; ее поставки остаются ограниченными; цена на такую древесину в целом вдвое выше, чем на не сертифицированный лес; рынок, быстро достигнув уровня 3%, остается стабильным в течение нескольких лет, наконец сертифицированная древесина так и не стала главным бизнесом лесодобывающих компаний. Таким образом, развитие устойчивой лесодобычи достигло мертвой точки, а экологическое саморегулирование – предел своего развития. Разумеется, бизнес и НПО могут продолжать пропаганду сертифицированного леса, проводить рекламные акции, осуществлять политику скидок, улучшать распространения продукта и т. д. В результате продажа сертифицированной древесины достигнет, например, 10%, но для перспектив устойчивого развития это слишком низкий процент» [4]. Добыча нефти и газа в наименьшей степени может регулироваться «зеленым» потреблением, поскольку это энергетический ресурс, обеспечивающий, в том числе, комфорт жизни на урбанизированных территориях. Единственный актер, для которого сохранность дикой природы является одновременно экономическим условием существования, – это коренные малочисленные народы Севера.

Таким образом, экомодернизационные преобразования и попытки осуществления устойчивого развития добывающих корпораций в экосистемах дикой природы не затрагивают сущностных, фундаментальных свойств воспроизводства капитала. Экологизация современной рыночной экономики не меняет ее внутренней логики. Происходит лишь определенная экологизация урбанизиро-

ванной среды и незначительное ограничение потребления ряда природных ресурсов за счет возникновения достаточно узкого сегмента «зеленого» рынка.

Взаимодействие промышленных компаний, государственных структур и аборигенных сообществ в России

В российских регионах (в 29 субъектах) живет 45 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее КМНС). Их численность, по данным последней переписи населения, составляет 212 209 человек (всего 2% населения территорий, на которых они проживают). Семь регионов проживания коренных малочисленных народов Севера активно вовлечены в освоение нефтегазовых ресурсов: это Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Таймырский, Эвенкийский автономные округа, Сахалинская и Томская области.

Развитие недропользования в регионах традиционного природопользования затрагивает интересы следующих акторов:

- самих коренных малочисленных народов Севера, представленных их хозяйственными организациями – общинами, национальными предприятиями, кооперативами, родовыми хозяйствами, крестьянско-фермерскими хозяйствами, а также общественными организациями (федеральными, региональными и местными Ассоциациями коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – далее АКМНС);
- российских (частных и государственных) и иностранных сырьевых компаний;
- государственных структур на всех уровнях законодательной и исполнительной власти.

Большинство коренных сообществ живет за чертой бедности. Наблюдается значительная экономическая асимметрия развития традиционного хозяйства по сравнению с другими секторами экономики, приводящая к социальной поляризации, возникновению ряда экономических и социальных проблем – в первую очередь, безработицы, практически полного отсутствия средств к существованию у местного населения, браконьерству, высокой смертности и пр. Около половины трудоспособного населения из чис-

ла коренных народов не имеет постоянного места работы. Денежные доходы КМНС в 2–3 раза ниже среднероссийского показателя и на 25–30% меньше, чем в среднем по регионам их проживания [5].

Российские северные регионы весьма неоднородны по степени и остроте конфликтов между бизнесом, государством и коренными народами и формам их разрешения. Наблюдается существенный разрыв в развитии традиционного хозяйства в разных регионах: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО характеризуются высокой степенью сохранности и развития традиционного хозяйства; Ненецкий и Таймырский автономные округа – средней; Сахалинская и Томская области – низкой.

Эта экономическая и социальная асимметрия во многом обусловлена деятельностью минерально-сырьевого блока экономики и его основного сектора – нефтегазового. По доле добытой нефти среди нефтегазовых регионов, являющихся местами проживания КМНС, лидирующее место занимают Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа и Сахалинская область. По доле добытого газа среди нефтегазовых регионов лидирует Ямало-Ненецкий автономный округ.

В России отечественные и западные промышленные компании обычно пытаются начать разработку какого-либо ресурса, не считаясь с интересами и правами местных жителей. Их действия, как правило, поддерживаются региональной и районной властью, для которой освоение месторождений или законная рубка леса означают существенное пополнение бюджета. Российские аборигенные сообщества и представляющие их интересы неправительственные организации накопили значительный опыт протестной деятельности в ее самых разных формах: от прямых выступлений, пикетов, блокирования дорог и пр. до обращений в суд, мобилизации глобальных неправительственных организаций, представляющих интересы коренных народов, и т. д. Результатом этой активности стало заключение соглашений с добывающими корпорациями, а также институционализация взаимодействий коренного населения с компаниями и с властью.

Так, в ЯНАО и ХМАО достаточно активны процессы регионального законотворчества в части взаимоотношений недропользователей и коренных малочисленных народов. Это не означает, что в данных в регионах все гладко и может служить образцом для подражания, но, по крайней мере,

В России отечественные и западные промышленные компании обычно пытаются начать разработку какого-либо ресурса, не считаясь с интересами и правами местных жителей. Их действия, как правило, поддерживаются региональной и районной властью, для которой освоение месторождений или законная рубка леса означают существенное пополнение бюджета. Российские аборигенные сообщества и представляющие их интересы неправительственные организации накопили значительный опыт протестной деятельности в ее самых разных формах: от прямых выступлений, пикетов, блокирования дорог и пр. до обращений в суд, мобилизации глобальных неправительственных организаций, представляющих интересы коренных народов, и т. д. Результатом этой активности стало заключение соглашений с добывающими корпорациями, а также институционализация взаимодействий коренного населения с компаниями и с властью.

основные социальные и экономические проблемы коренного населения там решаются более успешно, чем в других регионах. Состояние традиционного хозяйства является одним из факторов демографического роста местных сообществ, что ярко продемонстрировали данные последней переписи (в частности, по ненцам), степень сохранности оленеводства в ЯМАО достаточно высока, высоки и демографические показатели.

После прямых протестов жителей Сахалина удалось заключить соглашение с компаний «Сахалин Энерджи» и региональной администрацией об участии компании в развитии местных сообществ, был разработан «План содействия коренным малочисленным народам севера Сахалинской области». Подобные соглашения, ориентированные не на компенсационные выплаты, но на участие компаний в разработке и осуществлении социально-экономической стратегии развития КМНС, были заключены во многих регионах.

Тем не менее, острые противоречия между нефтегазовым сектором и коренными народами сохраняются. Институционализация взаимоотношений между тремя основными акторами (местными сообществами, компаниями и властью) в последние годы сменяется их деинституционализацией. На федеральном уровне принимаются решения, лишаящие аборигенов преимущественного права на пользование землями предков, квот на рыбу и т. п. Стремление отодвинуть коренные сообщества от процесса принятия решений, освободить земли, под которыми залегают полезные ископаемые, сохраняется и усиливается. Достаточно ярко оно выражено в интервью с представителями нефтяных компаний, действующих на территориях исконного проживания селькупов в Томской области: «Конфликтов с коренными нет и быть не может. Кто их видел, коренных? В городе никто. Спроси у молодого, кто такой селькуп, и он не скажет. В тайге мы с ними тоже не пересекаемся». Респондент из другой компании на вопрос о согласовании интересов с местными сообществами ответил следующим образом: «Ведем добычу в Каргасокском и Парабельском районах. Никакой местной политики у нас нет, никто нам ничего не предлагал, мы ни с кем не пересекаемся. Офис компании у нас в Томске, а вахтовики работают в делях. Все земли там государственные,

Институционализация взаимоотношений между тремя основными акторами (местными сообществами, компаниями и властью) в последние годы сменяется их деинституционализацией.

родовых угодий нет. Экологических претензий к нам тоже нет. Про согласование интересов ничего не могу сказать, поскольку опыта у компании нет».

Все вышеперечисленное вписывается в традиционную схему конфликта интересов; попытка могущественных корпораций избавиться различными способами от местных сообществ, как от препятствия на пути реализации их экономических интересов, легко объяснима и неоднократно объяснена. Сложнее интерпретировать процесс так называемого конструктивного взаимодействия с компаниями и успехи в отстаивании прав местного населения в России и на Западе (в Канаде, Дании, Норвегии). Именно успешное согласование интересов должно быть признаком устойчивого развития сообществ, устойчивого функционирования крупного бизнеса и сохранности экосистем дикой природы.

АКМНС своей целью провозглашает сохранение традиционного хозяйства и традиционной культуры. Однако анализ программ развития аборигенных сообществ на Западе и в России показывает, что все они так или иначе сфокусированы на формировании и поддержке развития бизнеса в традиционных отраслях хозяйства, что фактически означает замену традиционного природопользования его противоположностью, то есть природопользованием рыночным, причем в его капиталистической версии.

Иные формы товарообмена для аборигенных племен вполне традиционны. Торговля, веками существовавшая на перекрестках сухопутных и речных путей, не меняла сути традиционного природопользования, но обеспечивала местные сообщества необходимыми для их жизнедеятельности товарами. В этой связи попытки российского государства ограничить квоты на рыбную ловлю и охоту нормами личного потребления фактически не оставляют местным жителям шанса на выживание, так как их хозяйственная деятельность не включала в себя подобных ограничений.

Предпринимательство коренного населения в сфере использования возобновляемых ресурсов, скорее всего, не столь опасно для дикой природы, как добыча полезных ископаемых, тем не менее, оно неизбежно выйдет за рамки традиционных ограничений. В противном случае этот бизнес будет неконкурентоспособен.

Выживание сообществ осуществляется также путем их превращения в своего рода туристическую резервацию, переориентации традиционных промыслов на производство сувениров, а также непосредственное вовлечение местных

жителей в нефтяное и газовое производство или в бизнес, не имеющий отношения к традиционному хозяйству (например, игорный бизнес в резервациях США и Канады).

Таким образом, интеграция традиционных сообществ в современную цивилизацию осуществляется посредством замены традиционных экономических механизмов рыночными, при этом создается иллюзия их сохранения.

Вместо заключения

Экополитическая стратегия крупного капитала направлена практически исключительно на охрану непосредственной среды обитания индустриальных зон. Сохранение природных экосистем не входит в число ее приоритетов. Данная позиция не зависит от институциональной системы, в рамках которой капитал вынужден действовать, и обусловлена сущностью самого явления экономизации экологии в частности, и процесса экологической модернизации в целом, а не особенностями российского бизнеса.

Экологическая модернизация, с нашей точки зрения, представляет собой процесс формирования сложной системы жизнеобеспечения, включающей в себя в том числе, элементы природных экосистем (зеленые зоны городов, биологические способы снижения загрязнений и пр.). Существование и функционирование такой системы практически полностью обеспечивается деятельностью человека. Она вряд ли может быть безопасной и устойчивой, несмотря на встраивание в нее механизмов минимизации экологического риска, поскольку возрастание сложности само по себе приводит к непрогнозируемому и неконтролируемому его росту. Устойчивость индустриальной цивилизации может быть обеспечена только ее балансом с сохранившимися экосистемами дикой природы, охрана которых не обеспечивается действующими тенденциями экополитического развития.

Про-экологическая переориентация потребления (формирование своего рода эко-консюмеризма) имеет достаточно жесткие ограничения, к тому же она может разве что слегка смягчить последствия разрушительного воздействия индустриальных компаний на экосистемы дикой природы. Устойчивое развитие современной цивилизации в значительной мере является видимостью, симулякр, камуфлирующим ее неизменную ориентацию на рост потребления и производства.

Интеграция традиционных сообществ в современную цивилизацию осуществляется посредством замены традиционных экономических механизмов рыночными, при этом создается иллюзия их сохранения.

Устойчивое развитие современной цивилизации в значительной мере является видимостью, симулякр, камуфлирующим ее неизменную ориентацию на рост потребления и производства.

Единственным видом природопользования, обеспечивающим сохранение природы, является традиционная хозяйственная деятельность сообществ коренных малочисленных народов. Только они практикуют реальное ограничение потребления, не имеющее ничего общего с экологизацией потребления современного общества. Для капитала традиционное природопользование не может быть чем-либо иным, нежели конкурирующим способом использования природных ресурсов. Действие рыночных механизмов в традиционной экономике лимитируются консервативностью средств производства и невозможностью интенсификации производственного процесса. Поэтому даже программы поддержки коренных сообществ направлены практически повсеместно на ограничение традиционного природопользования, его замену другими видами деятельности.

В результате, единственной возможностью не только выживания, но и дальнейшего развития аборигенного населения является фактический отказ от традиционного природопользования, переход к рыночным формам хозяйственной деятельности. Таким образом, современная индустриальная цивилизация не позволяет существовать рядом с собой своей альтернативе, она либо разрушает, либо поглощает ее.

Библиографический список

1. Mol, A. P. J. The Refinement of Production. Ecological modernization theory and the chemical industry. Utrecht:Van Arkel, 1995.
2. Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения /Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2006.
3. Catton, W. R.; Danlop R. E. Environmental sociology and new paradigms // The American Sociologist. 1978. № 13, pp. 41–49.
4. Arts, B. “Green alliances” of business and NGOs. New styles of self-regulation or “dead-end roads”? // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2002. № 9, pp. 26–36.
5. Федеральная программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года».